

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Басов И.М. Маркеры социального статуса в польских издательских подписях 1-й половины XVI в. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 3. DOI: 10.25136/2409-868X.2024.3.70000 EDN: PKHPOR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70000

Маркеры социального статуса в польских издательских подписях 1-й половины XVI в.

Басов Иван Михайлович

ORCID: 0000-0003-0908-045X

младший научный сотрудник, Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук

197110, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7

✉ vbim17@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2024.3.70000

EDN:

PKHPOR

Дата направления статьи в редакцию:

28-02-2024

Аннотация: В статье поднимается проблема статусной репрезентации в подписях книгопечатников Польского королевства. В первую очередь исследование касается выявленных особенностей оформления изданий И. Ветора и Я. Галлера; в меньшей степени – С. Гибера, К. Хохфедера, Ф. Унглера и М. Шарфенберга. Хотя в период 1-й половины XVI в. формуляр издательской подписи не претерпевает существенных изменений, у перечисленных печатников мы обнаруживаем специфические маркеры социального статуса. Эти маркеры не характерны для предшествующих и последующих польских книгоиздателей, но характерны, во-первых, для определенного круга печатников вне Польского королевства, а во-вторых, для существовавшей в тот момент социальной среды, в которой те или иные эпитеты транслировали информацию о месте человека в иерархии. Ориентация на читательский запрос интеллектуалов и связи с Краковским университетом так же отражались в издательских подписях: печатники относили свою деятельность к сфере наук и искусств (*ars*), а также представляли себя в терминах, принятых в учёной среде (*egregius vir*; *spectabilis vir dominus*). Автор использует методологию социальной истории и социолингвистики, рассматривая через

исторические источники (печатные книги 1-й половины XVI в.) связь между социальными изменениями и изменением письменных языковых формул. Новизна исследования заключается в том, что на материале подписей польских печатников XVI в. проблема статусной лексики не рассматривалась или рассматривалась как проблема личной биографии книгоиздателя. Автор приходит к выводу, что изменения в печатных подписях как в наиболее формальной части текста издательского сообщения, относится к более широкому контексту, чем отдельная биография подписавшегося. Эта часть саморепрезентации предпринимателей лишний раз свидетельствует об их вовлечённости в структуру европейских печатников-гуманистов, которые так же, как и польские коллеги, стремились заявить в подписях о своих связях с учёным сообществом и ренессансной культурой. При этом появление выявленных в структуре издательской подписи эпитетов имеет не только языковую привязку, но и хронологическую: исследуемая лексика исчезает в середине XVI в. из польских изданий и сводится к минимуму в изданиях других европейских земель.

Ключевые слова:

печатная культура, ренессансный гуманизм, колофон, Польское королевство, статусная лексика, социальные маркеры, Иероним Ветор, Ян Галлер, книгопечатники XVI века, социальная история

С конца XV в. европейские книгопечатники стремились к саморепрезентации через текст собственного авторства, помещенный в печатный продукт. Объем и характер этой информации различен: от выходных данных в колофоне до пары листов рассуждений под заголовком «К читателю». При этом наиболее пространные тексты такого плана зачастую проникнуты духом ренессансного гуманизма. Для исследователей этот факт (вкупе с репертуаром издателей) служит поводом говорить о когорте «печатников-гуманистов», отличающихся от коллег по цеху идейной мотивацией своего труда [\[1, P. 262–286; 2, P. 163–302; 3; 4\]](#). Так, например, краковский книгоиздатель И. Ветор (ок. 1480–1545/46) мотивировал публикацию трудов Эразма «продвижением изучения латыни» («*ac studia Latina pro viribus promoveamus*» [\[5, F. A. iii\]](#)), в то время как большинство его конкурентов о некоммерческих целях своей деятельности не сообщали.

Однако публичный и массовый характер обращения печатника к читателю делает этот источник весьма специфичным. Профессор Т. Улевич, предпринимавший попытку использовать издательский текст в изучении истории корпорации польских печатников XVI в., пришёл к неутешительному выводу: обращения издателя Раннего Нового времени необходимо рассматривать не иначе как рекламный текст со всеми свойственными для рекламы как исторического источника ограничениями [\[6, S. 95\]](#). Вне польского контекста этот тезис был сформулирован исследователями ещё раньше. Как писал А. Поллард в своём «Эссе о колофонах» (1905), «если бы издательским колофонам можно было верить, ранних печатников следовало бы считать самыми альтруистичными людьми» [\[7, P. 92\]](#). Скепсис в отношении издательского текста остаётся весьма устойчивым по сей день: Т. Станишевский в одном из последних исследований бытования популярной литературы в раннемодерном Кракове приходит к тому же тезису, что и Т. Улевич семьдесятю годами ранее [\[8, S. 177–180\]](#). Тезис утверждает, что обращения к читателю – это в первую очередь источник, говорящий о среде, для которой он написан, а не от которой он исходит. Тем самым ставится под сомнение искренность идеалистических высказываний,

которыми богаты издательские сообщения. Не оспаривая заключение о рекламном характере обращений к читателю, заметим, что эти выводы не применимы к другой форме издательского текста – к краткой подписи. Поскольку эта часть раннепечатного издательского текста наиболее строго подчинялась формуляру, она не содержит (как правило) идейных высказываний печатника, лишь кратко информируя читателя о дате и месте издания, а также сообщая те данные об издателе, которые он сам хочет сообщить. Тем не менее, и эта часть издательского текста, вслед за разделом «к читателю», сообщает о погружённости печатника в современную ему социальную среду.

Подписи на титульном листе, в колофоне и под издательским предисловием или посвящением мы рассматриваем как единую структурную часть издательского текста. Как правило, в этой части издатель сообщал о месте и дате издания, а также зачастую обозначал своё имя. Реже печатники указывали профессию, однако к началу XVI в. латинская терминология типографского дела ещё не устоялась окончательно [\[9, S. 115\]](#), и такие понятия как *s(h)alcographus*, *typographus* и *impressor* были взаимозаменяемыми. В словарях Бартоломея из Быдгоща и Я. Мурмелия 1532 и 1533 гг. всё ещё обнаруживаем эти понятия как синонимы для обозначения человека, имеющего отношение к технологии печати [\[10, S. 51; 11, F. 179\]](#). Только в позднейшей практике термины дифференцируются, и *typographus* начинает обозначать типографа, а *chalcographus* – художника-гравера [\[12, P. 6\]](#).

В то время как большинство печатников использовало понятия *s(h)alcographus*, *typographus* и *impressor* как синонимичные, в подписях И. Ветора мы обнаруживаем преимущественное использование одного понятия – *chalcographus*. Так предприниматель из Силезии последовательно подписывался с 1510 г. [\[13, № 111340\]](#) – т. е. с самого начала своего пути в качестве печатника в Вене и до пожалования ему королём Сигизмундом I должности «гравера королевской канцелярии». Акта официального пожалования должности не сохранилось, однако А. Кавецка-Гжицова относит его к 1527 г., поскольку в королевском привилее от 10 февраля 1527 г. Ветор упоминается как «наш гравер» [\[9, S. 331\]](#). Этот тезис представляется нам спорным, поскольку сам И. Ветор впервые использует формулировку «гравер королевской канцелярии» лишь в издании от 11 ноября 1535 г. [\[13, № 46336\]](#). Трудно поверить, что издатель на протяжении восьми лет пренебрегал возможностью подписываться престижным титулом. Несомненно, что использование подобной саморепрезентации требовало королевской санкции, однако совершенно не факт, что формулировка *regiae cancellariae calcographus* была создана монаршей канцелярией безотносительно репрезентации И. Ветора, представлявшего «гравером» ещё до открытия типографии в Кракове. В пользу предположения о влиянии репрезентации предпринимателя на его перцепцию со стороны королевской власти косвенно говорит отсутствие свидетельств о существовании в Польше до И. Ветора должности «королевского гравера».

Свою деятельность как «гравера» И. Ветор к тому же переносил на управляемое им предприятие: хотя наиболее частым в практике польских печатников в XVI в. являлось указание типографии как *officina typographica*, в нескольких изданиях типография И. Ветора фигурирует как *officina chalcographica* [\[13, № 75889, 148628, 125987, 125988\]](#), а также как *officina literaria* [\[14, F. A 2\]](#). Последнее определение в 1-й полов. XVI в. также имело некоторое распространение у печатников из Венеции, Кёльна и Виттенберга: находим его в подписях Е. Хирцхорна (USTC. № 2213888), П. Квентеля (USTC. № 2213122), П. Лихтеншейна (USTC. № 820265, 828350) и П. Зайца (USTC. № 2214543). В данных примерах качественное определение мастерской («граверная, письменная») не только

свидетельствует о неустойчивости типографской терминологии, но также сочетается с хвалебными («рекламными», по выражению Т. Улевича) комментариями издателя в адрес публикуемых гравюр и сочинений. Вероятно, что словосочетание *officina literaria* акцентирует внимание на шрифте И. Ветора, который уделял большое внимание дизайну литер, неоднократно высказываясь об этом в обращениях к читателю [15, S. 71].

Именование «гравером» встречается у И. Ветора с 1510 г., но становится ультимативно частым в латинских подписях после 1535 г. (в польскоязычных подписях он представляется как «*impressor*»). До этого времени встречаются и другие статусные претензии на причастность к области наук и искусств (*ars*); лишь в редких исключениях И. Ветор преподносит свой труд типографа как ремесло, работу (*opera*) [13, № 89292]. Так, под изданием трактата И. Гютлера 1531 г. Ветор подписывается как «ученик типографского искусства» (*artis typographicae alumnum*) [13, № 48198]. Схожа лексика и в обозначении работников предприятия: так, И. Ветор называет своего подмастерья Якова «партнёром по типографскому искусству» (*artis impressoriae socius*) [9, S. 68]. К той же группе определений, вероятно, относится эпитет «наиприлежнейший типограф» (*typographus diligentissimus*), употреблённый И. Ветором в отношении себя в 1524 г. [13, № 44586], а до этого использовавшийся несколькими печатниками вне Польского королевства. С именованием себя «учеником» рифмуется прозвание собственной типографии «Академией» [13, № 47555], что в свою очередь отсылает искушённого читателя к «Академии» Альда [16]. Такого рода университетская лексика была характерна не только для А. Мануция; она имела некоторое распространение в среде книгоиздателей начала XVI в.: так, испанский типограф А. де Броккар называл себя «магистром печатного искусства» [17, P. 3]; ту же формулировку ещё в инкунабульный период использовали И. Фуст, И. Цайнер, Э. ван дер Херстратен [18, P. 6; 19, P. 772; 20, P. 165] и другие. В русле той же интеллектуальной традиции и изменение родной фамилии Binder/Pinder на Vietor [9, S. 326]: уже в венский период (1500-1505 гг.) печатник латинизирует фамилию и указание происхождения, меняя прозвание *de Liebenthal* («из Любомижа») на *Philovallensis*.

Возможность говорить об этих шагах предпринимателя как о попытках упрочить позицию себя и своего предприятия в интеллектуальной среде, заявить о себе как о «польском Альде», дают сведения о том, что и в других сферах деятельности И. Ветор проявлял себя проактивно: так, из письма Р. Агриколы узнаём, что печатник организовывал в Кракове некие музыкальные вечера [6, S. 127]. Вероятно, в кругу польской учёной элиты И. Ветор пользовался репутацией если не мецената, то предпринимателя, явно поддерживающего науки и искусства. Поэт А. Кшицкий в письме П. Томицкому замечает, что И. Ветор «сотрудничает с учёными мужами» («*cum viris illis omnibus literatis*») [21, S. 42]. Тот же А. Кшицкий в письме Эразму Роттердамскому от 20 декабря 1525 г. привлекает гуманиста в Польшу в том числе тем, что «у нас есть и свой Мусейон, и свой Фробен» [22, S. 345] – под последним имея ввиду, вероятно, Ветора как единственного издателя Эразма в Польше. Это возможно было бы списать на особое отношение А. Кшицкого к Ветору как патрона к клиенту [9, S. 347], если бы не многочисленные комментарии современников о вкладе печатника в развитие знания (отзывы в предисловиях работ Н. Гусовского, М. Кромера, П. Веделицкого и др.). В совокупности всё это свидетельствует о высокой доле вовлечённости И. Ветора в социальную структуру польских гуманистов, на признание в которой, вероятно, ориентировалась репрезентация издателя.

Претензии на престижный статус отражают подписи и других польских печатников. Так, Я. Галлер (ок. 1467–1525) подписывает издание агенды 1514 г. следующим образом: «Impressum Cracoviae arte et impensis Spectabilis viri domini Ioannis Haller» [\[23, F. XCV\]](#). Главным посылом подписи является указание на то, что Галлер напечатал и распространяет столь важное сочинение на собственные деньги, а не по заказу Церкви или с помощью третьих лиц. При этом свой посыл печатник формулирует, как и И. Ветор, в терминах искусства, мастерства (*ars*), а также представляет себя с точки зрения социального статуса (*spectabilis vir*). Для издательских подписей статусное упоминание печатника характерно на рубеже XV–XVI вв. для всех европейских земель. Формулировка «напечатано благодаря искусству типографа» так же не уникальна для польской книги: параллельно и ранее обнаруживаем её у печатников Священной Римской империи, в частности у М. Флаха-Старшего из Страсбурга (1499), Я. Таннера из Лейпцига (1500), П. Лихтенштейна из Кёльна (1501) и др. издателей рубежа веков [\[13, № 127281, 218929, 218930, 210102\]](#). Это отражает начавшуюся на рубеже столетий сепарацию искусств из сферы ремёсел [\[24, P. 28\]](#). При этом восприятие книгопечатания как искусства было характерно не только для определенных представителей цеха, но и для более широкого круга интеллектуалов-гуманистов: так, чешский гуманист Я. Шлехта в 1519 г. в письме Эразму пишет об И. Фробене как о «Дедале в печатном искусстве» [\[25, P. 72\]](#). Как заключает В. Штехов, анализируя стихи французского поэта и гуманиста Ж. де Бельжа, к началу XVI в. в ренессансной культуре из *ars* исключались многие занятия, которые относились к этой сфере в Средневековье; однако, деятельность ювелиров и книгопечатников к тому моменту ещё не отошла к категории ремёсел [\[26, P. 27–29\]](#).

В непосредственном окружении Я. Галлера статусное определение в подписи находим у краковского и венецианского печатника С. Гиберы. Гибер подписывался под своими работами как «выдающийся человек» (*vir egregius*) [\[13, № 210102\]](#), что, как и *vir spectabilis*, отсылает к римской формуле [\[27\]](#). Подпись на миссале 1505 г. сообщает, что он был напечатан на средства Галлера и Гиберы – «чрезвычайно достойных горожан» (*cives admodum bene meritos*) [\[13, № 160016\]](#). В то же время, формулировка «напечатано благодаря искусству типографа» появляется у К. Хохфедера, чтобы отделить его продукт, созданный в типографии Я. Галлера, от галлеровского [\[13, № 116783, 213843\]](#). В агенде 1505 г. Я. Галлер впервые использует аблативную формулу Хохфедера («напечатано искусством»; *impressum arte*) применительно к своему труду [\[13, № 44699\]](#). Это же издание стало первым, под которым Галлер подписался без упоминания других лиц, что является для исследователей поводом утверждать о получении Галлером в 1505 г. права единоличного управления типографией [\[28, S. 97–99\]](#).

Хотя само по себе статусное определение печатника является характерной чертой издательской подписи начала XVI в., саморепрезентация Я. Галлера примечательна использованием античного эпитета *vir spectabilis*. Такая формулировка впервые появляется в подписях Я. Галлера в 1508 г. (приходит на смену *vir dominus*, употреблявшейся им с 1504 г.) и, безусловно, не является изобретением печатника: в форме *spectabilis vir dominus* она использовалась в интеллектуальной среде. В альбоме Виттенбергского университета обнаруживаем неоднократное использование эпитета в адрес ректоров [\[29, F. 7v, 29v\]](#). Исследователи фиксируют и другие случаи употребления в европейской традиции XV–XVII вв. этого эпитета в отношении докторов наук и академического руководства [\[30, S. 44\]](#). Учитывая, что известен факт обучения Я. Галлера в 1482 г. в Краковском университете [\[28, S. 95\]](#), можно предположить, что конкретную

формулировку будущий печатник подчерпнул из опыта соприкосновения с академической структурой. С 1508 г. выражение *spectabilis vir dominus* становится формулярным для подписи Я. Галлера. Хронологически это, безусловно, связано с вхождением Галлера в состав Краковского городского совета, а также с получением его сыном степени доктора медицины – оба события произошли в 1508 г. [31, S. 28]. Статус радного позволил печатнику легитимно применять к себе эпитет, адресовавшийся в античную эпоху к римским сенаторам. В той или иной форме обращение *spectabilis* в отношении радных людей в Польше в XVI в. постепенно становится нормативно употребимым [32, P. 40]. В актовых материалах 1-й полов. XVI в. мы обнаруживаем эпитет *spectabilis* в отношении таких связанных с краковским книгопечатанием радных людей как Е. Турзо [31, № 165, 171; 33, S. 424], Ю. Л. Деций [31, № 308; 33, S. 444], Я. Цимерман [31, № 324, 328; 34, S. 507], П. Веделицкий [31, № 372; 33, S. 443], И. Ремер [31, № 384; 33, S. 447], В. Ходоровский [31, № 384; 33, S. 449], И. Спичиньский [31, № 384; 33, S. 450], Ю. Глач [31, № 418, 423; 33, S. 433], Ш. Крумпфельт [31, № 580; 33, S. 480] и Я. Ключовский [31, № 523, 524, 526, 533, 539, 593; 33, S. 469]. Однако конкретно галлеровская формулировка на начало XVI в. являлась уникальной для представителей данной политической страты и не соответствовала её инвариантам у вышеперечисленных персон (наиболее употребимая форма – «*spectabilis dominus*»), что позволяет нам видеть в ней не только маркер высшего городского чиновника. А вкупе с тем, что в актовых документах, где фигурирует Я. Галлер, печатник не именуется как *spectabilis*, мы предполагаем, что формуляр его репрезентации проистекает из субъективного ощущения высокого социального статуса, который тот приобретает в 1508 г. Согласно классификации В. Урбана, исследовавшего социальную стратификацию в Польше XVI в., эпитет *spectabilis* употреблялся не только формально – в отношении радных людей – но и неформально – в отношении высших слоёв мещанского сословия, отличавшихся от зажиточной шляхты лишь юридически, но не по степени достатка и образования [35, S. 237]. Таким образом, данный эпитет в саморепрезентации Я. Галлера можно трактовать как претензию на причастность к польскому патрициату со свойственным ему этическим и эстетическим фундаментом, включавшим с рубежа XV–XVI вв. влияние ренессансного гуманизма [36, S. 19–25].

Среди репрезентации прочих европейских печатников XVI в. формулировка Я. Галлера не встречается. Можно обнаружить редкое употребление эпитета *spectabilis* парижской печатницей И. Боном, подписывавшейся за своего покойного мужа Т. Кервера как *vidue spectabilis viri* [37, F. A ii]. Однако при жизни Т. Кервер (ум. 1522) не использовал подобный эпитет, предпочитая преподносить себя как *libraire juré* – официального поставщика книг Парижскому университету («*Parisiane universitatis librarii iurati*») [38]. Как *spectabilis vir* на издании Часослова в 1530 г. подписался парижский книгоиздатель Ж. Ардо, отметив, как и Кервер, свою связь с университетом [39, № 15965]. При этом его коллега Г. Эстас, занимавший в 1510 г. то же положение в Парижском университете, претендовал на меньший статус, именуясь *honestus vir* [17, P. 224], а у других тесно связанных с данным университетом печатников (например, у С. де Колине) такого рода саморепрезентация не обнаруживается. В 1526 г. в подписи к одному из первых изданий Мацея Шарфенберга (ок. 1520–1547) в качестве подмастерия Марка, он называет последнего *spectabilis vir dominus* [13, № 148893]. Эта формулировка применительно к Марку Шарфенбергу впоследствии не употребляется, и её применение мы списываем на подражание Я. Галлеру, поскольку формальных оснований (должности в городском совете) для подобной титулатуры у Марка не было.

Что касается эпитета *egregius*, то он, согласно классификации В. Урбана, использовался в адрес мещан-интеллектуалов: в частности, кальвинистский лидер, гуманист и известный краковский интеллектуал К. Треций фигурирует в городских протоколах с эпитетом *egregius* [35, S. 249]. В среде польских печатников этой формулировкой оперировал не только С. Гибер, но также И. Ветор (в адрес книготорговца Марка Шарфенберга) и Я. Галлер (единожды – в отношении себя и Марка Шарфенберга) [13, № 161981, 60506]. Хотя наиболее нормативным было применение эпитета к учёным мужам, ни Гибер, ни Галлер с Шарфенбергом не были отмечены научными изысканиями. Можно предположить, что в их случае это определение информировало о приобщённости к интеллектуальной среде – в пользу этого говорит то, что касательно двух из трёх предпринимателей (Галлера и Шарфенберга) есть данные, свидетельствующие об обучении в университете. Предположению соответствуют и высокие оценки вклада Я. Галлера в культуру со стороны современников, называвших его «культурнейшим покровителем учёных мужей» (*fautor humanissimus vivorum doctorum*) [1, P. 202]. Едва ли употребление эпитета свидетельствует о наличии учёной степени (даже степени бакалавра): в противном случае, были бы свидетельства его употребления в отношении И. Ветора. Можно также сравнить с опытом Ф. Скорины – доктора медицины, в отношении которого в актах легитимно употреблялся эпитет *egregius* [40, C. 12], но который подписывался на собственных изданиях как «доктор».

К репрезентации городских чиновников В. Урбан относит не эпитет *spectabilis*, взятый Я. Галлером по вступлению в должность радного, а *famatus* [35, S. 249]. Это согласуется с данными Е. Петрусиньского, фиксирующего, что в адрес краковских ювелиров, становившихся в XVI в. лавниками, использовалось обращение *famatus vir* [34, S. 334, 507]. Я. Галлер, получивший чин краковского лавника в 1501 г. [9, S. 45], тем не менее, начинает именоваться как *famatus* лишь с 13 марта 1507 г. [13, № 162519], незадолго до появления в его репрезентации формулировки *spectabilis vir dominus*, и ровно за день до внесения в королевский матрикул привилея, в котором к Галлеру был впервые применён эпитет *famatus* [41, № 30]. С 1507 г. эпитет *famatus* появляется в подписях ещё 12 изданий Я. Галлера: в 1510 г. в форме «*civis eiusdem famatae urbis*», затем – в формах «*famatus vir dominus*», «*famatus dominus*» или просто «*famatus*». Мы предполагаем, что появление эпитета в 1507 г. подкреплено чином лавника, но связано в первую очередь с упрочением социального положения Я. Галлера как печатника, с признанием его авторитета со стороны королевской власти и, следовательно, с изменением его самоощущения. При этом прямое указание Я. Галлера на собственный статус радного («*consulis Cracoviensis*») встречается в подписях лишь к 14 изданиям, в то время как эпитет *spectabilis* употребляется им в 3,5 раза чаще, и присутствует в 49 подписях. Тезис о важности для саморепрезентации печатника субъективного понимания своего положения не отменяет важности формального подтверждения статуса: так, Ф. Унгер (ум. 1536) при всей величине претензий, раскрывающихся в обращениях к читателям, практически не использовал статусные эпитеты в подписи, поскольку не учился в университете и не имел муниципальной должности. В изданиях 1512 г. он предстаёт всего лишь как *providus vir* [13, № 143042, 125735], что соответствует статусу представителя обеспеченного плебса [35, S. 237].

Все вышеизложенные наблюдения уместны только в рамках латиноязычных подписей. Польскоязычные подписи XVI в. куда более лапидарны в части сообщений о печатнике, и не употребляют переводов вышеприведённой лексики. Единственное исключение,

зафиксированное библиографическими базами – анонимное издание 1598 г., которое «drukowano nakładem uczciwego męża» [\[13, № 150985\]](#). Uczciwy mąż – устойчивый перевод лат. *honestus vir*, относящегося к среднему и низшему слою мещанства [\[35, S. 248\]](#). Таким образом, исследуемые особенности саморепрезентации печатников имели чёткую привязку к латинским языковым формулам. Впрочем, надо заметить, что во 2-й полов. XVI в. эпитеты почти исчезают также и из латиноязычных подписей, что на наш взгляд косвенно свидетельствует об их важности в контексте ренессансной культуры. Со смертью И. Ветора в 1545/46 г. в Польше не остаётся книгоиздателей, подписывавшихся таким образом; в то же время, традиция сохраняется на землях Священной Римской империи: во 2-й половине столетия так продолжает подписываться Ф. Бехем из Майнца (1500–1582) [\[13, № 160007\]](#) – издатель, чей профессиональный путь начался во 2-й четверти XVI в.

Формулировки издательских подписей обнаруживают связь наиболее заметных польских печатников 1-й полов. XVI в. с печатной культурой других земель – точнее, с творениями издателей, которых можно отнести к кругу «печатников-гуманистов» (А. Мануций, А. де Броккар, И. Фуст и др.). В этом контексте не случайна связь И. Ветора, Я. Галлера и др. польских книгоиздателей с Краковским университетом – и как с институцией, через которую они прошли, и как со средой, с которой они поддерживали связь, в т. ч. через заказы на издание гуманистической литературы [\[42, S. 114-127\]](#). Вне зависимости от степени доверия к издательскому тексту, необходимо заключить, что формальные подписи печатников несут языковые формулы, которые: 1) характерны для интеллектуальной среды того времени; 2) отражают статусные претензии предпринимателя. При этом, продемонстрировав связь подписей с образованием и занимаемой должностью, мы полагаем, что использование статусной лексики для саморепрезентации продиктовано субъективным восприятием издателя, поскольку появление в подписи тех или иных эпитетов, во-первых, опционально, а во-вторых, не совпадает хронологически с моментами формального обретения статуса.

Библиография

1. Febvre L., Martin H.-J. The Coming of the Book: The Impact of Printing 1450-1800 / Trans. by D. Gerard. London: N. L. B., 1976.
2. Eisenstein E. The printing press as an agent of change. Vol. I and II. Cambridge: University Press, 1980.
3. Lawry M. Le monde d'Alde Manuce. Imprimeurs, hommes d'affaires et intellectuels dans la Venise de la Renaissance. Paris: Promodis, 1989.
4. Kawecka-Gryczowa A. Z dziejów polskiej książki w okresie Renesansu. Studia i materiały. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1975.
5. Erasmus Roterodamus. Opus de conscribendis epistolis. Cracoviae: Hieronim Vietor, 1523.
6. Ulewicz T. Wśród impresorów krakowskich doby Renesansu. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1977.
7. Pollard A. W. An Essay on Colophons. With Specimens and Translations. Chicago: Caxton Club, 1905.
8. Staniszewski T. Historyje krakowskie. Funkcjonowanie narracyjnych tekstów popularnych we wczesnonowożytnej aglomeracji krakowskiej. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2020.
9. Drukarze dawnej polski od XV do XVIII wieku. I: Małopolska / A. Kawecka-Grzykowa.

- Warszawa-Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1983.
10. Słownik łacińsko-polski Bartłomieja z Bydgoszczy. Podług rękopisu z roku 1532 / wyd. B. Erzepki. Poznań: Drukarnia Dziennika Poznańskiego, 1900.
 11. Dictionarius Ioannis Murmellii variarum rerum, tum adultis utilissimus, cum Germanica atque Polonica interpretatione. Cracoviae: Hieronim Vietor, 1533.
 12. Stijnman A. Abbreviations and Phrases on Printed Images 1500–1900 // Engraving and Etching 1400–2000: A History of the Development of Manual Intaglio Printmaking Processes. London, 2012. URL: <https://www.delineavit.nl/wp-content/uploads/Terms-in-print-addresses.pdf> (data посещения: 24.02.2024).
 13. Profesjonalna Elektroniczna Baza Bibliografii Estreichera (EBBE) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.estreicher.uj.edu.pl/home/> (последнее посещение: 24.02.2024).
 14. Erasmus Roterodamus. Hyperaspistes: Diatribe Aduersus Seruum Arbitrium Martini Lutheri. Cracoviae: Hieronim Vietor, 1526.
 15. Oszczyda T. Z historii drukarstwa polskiego: na podstawie staropolskich i średniopolskich listów dedykacyjnych // Językoznawstwo: współczesne badania, problemy i analizy językoznawcze. 2010. № 4. S. 65-75.
 16. Pagliaroli S. L'Accademia Aldina' // Incontri triestini di filologia classica. 2009-2010. № 9. P. 175-187.
 17. Van Praet J. Catalogue de livres imprimés sur vélin. Paris: De Bure frères, 1824.
 18. Handschriften, Inkunabeln, alte Drucke, Kulturgeschichte, alte Medizin, Naturwissenschaften, Autographen, deutsche und ausländische Literatur, Kunstwissenschaft, Buchwesen, moderne Luxusdrucke. Nr. 45. Hamburg, 1951.
 19. Anzeiger Nr. 78-79 des Antiquarischen Bücherlagers von Gilhofer & Ranschburg (Nr. 12260 – 13779). Wien, 1907.
 20. Katalog (Nr. 220). Bibliotheca medii aevi: 320 incunabula systematically arranged, including specimens of rare presses, woodcut books, fine bindings. Wien, 1929.
 21. Acta Tomiciana. T. VIII / oprac. S. Górski. Kórnik: Sumpt. Bibliothecae Kornicensis, 1860.
 22. Acta Tomiciana. T. VII / oprac. S. Górski. Kórnik: Sumpt. Bibliothecae Kornicensis, 1857.
 23. Agenda latino et vulgari sermone polonico. Cracoviae: Joannis Haller, 1514.
 24. Cole B. The Renaissance artist at work. New York – London: Westview Press, 1990.
 25. Sebasiani V. Johann Froben, printer of Basel. Leiden: Brill, 2018.
 26. Stechow W. Northern Renaissance Art, 1400-1600: Sources and Documents. Evanston: Northwestern University Press, 1989.
 27. Brill's New Pauly / ed. by H. Cancik, H. Schneider, M. Landfester [Электронный ресурс]. URL: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/brill-s-new-pauly> (последнее посещение: 24.02.2024).
 28. Szwejkowska H. Książka drukowana XV–XVIII wieku. Zarys historyczny. Wrocław-Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1980.
 29. Album Academiae Vitebergensis. Die Universitäts-und Landesbibliothek ist eine Dienstleistungseinrichtung der Martin-Luther-Universität und des Landes Sachsen-Anhalt. URL: <https://digital.bibliothek.uni-halle.de/hd/content/pageview/2451808> (последнее посещение: 24.02.2024).
 30. Ostrowski T. Archiwum historii i filozofii medycyny oraz historii nauk przypadniczych. T. XV. Poznań: Polskie Towarzystwo Historii Medycyny i Farmacji, 1934.

31. Monumenta Poloniae Typographica XV et XVI saeculorum. Vol. I. / red. J. Ptaśnik. Leopold: Sumptibus Instituti Ossoliniani, 1922.
32. Kozubska-Andrusiv O. Urban elites of Lviv: emergence, development, and self-representation // Social and Political Elites in Eastern and Central Europe (15th–18th Centuries). London: School of Slavonic and East European Studies UCL, 2015.
33. Poczet sołtysów, wójtów, burmistrzów i prezydentów miasta Krakowa / pod red. B. Kasprzyk. Kraków: Urząd Miasta Krakowa, 2010.
34. Pietrusiński J. Złotnicy krakowscy XIV–XVI wieku i ich księga cechowa. Warszawa: Instytut Sztuki Polskiej Akademii Nauk, 2000.
35. Urban W. Umiejętność pisanie w Małopolsce w drugiej połowie XVI wieku // Przegląd Historyczny. № 68/2. 1977. S. 231-257.
36. Łempicki S. Renesans i humanizm w Polsce. Lwów: Nakład i własność K. S. Jakubowskiego, 1938.
37. Institutionum seu elementorum iuris ciuilis libri iij. Parisijs: Yolande Bonhomme, 1540.
38. Thierry, C. (2000). *Imprimerie et réussite sociale à Paris à la fin du Moyen-Âge*, Thielman Kerver. T. II: catalogue. Paris: sous la direction de M. Philippe Contamine Université Paris IV-Sorbonne.
39. *Short-Title Catalogue of Books Printed in England, Scotland and Ireland, and of English Books Printed Abroad 1475–1640*. (1976). 2nd ed. Vol. 2. London: Bibliographical Society.
40. Галенчанка Г. Праблемныя дакументы Скарыніны ў кантэксце рэальнай крытыкі // 480 год беларускага кнігадрукавання: матэрыялы Трэціх Скарынаўскіх чытанняў. Мінск: Беларуская навука, 1998. С. 9-20.
41. Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich. T. I / T. Wierzbowski. Warszawa: Druk L. Szkaradzińskiego i S-ki, 1900.
42. Juda M. Przywileje drukarskie w Polsce. Lublin: Agencja Wydawniczo-Handlowa AD, 1992.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

И сто лет назад, и сегодня книги являются символом культуры, что наглядно показывают слова Виктора Гюго: «Свет! Всегда свет! Повсюду свет! В нем нуждаются все. Он содержится в книге». Напомним, что долгое время Советский Союз считался самой читающей страной, но и сегодня в России значительная часть общества воспринимает книгу как лучшее «лекарство для души». Тем любопытнее проследить историю книжного дела, особенно первого столетия печатного книгоиздания, те книги, которые сегодня именуются инкунабулами и палеотипами.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются маркеры социального статуса в польских издательских подписях первой половины XVI в. Автор ставит своими задачами проанализировать специфику обращения печатника к читателям в этот период времени, а также проследить связь наиболее заметных польских печатников 1-й полов. XVI в. с печатной культурой других земель.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать искусство самопрезентации книгоиздателей через текст собственного авторства, помещенный в печатный продукт, в первой половине XVI в.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент отметим его разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований. Несомненным достоинством рецензируемой статьи является привлечение зарубежной литературы, в том числе на английском, французском и польском языках. Из привлекаемых автором исследований отметим труды А. Полларда, Т. Улевича, Т. Станишевского и других специалистов, в центре внимания которых находится изучение издательского текста в изучении истории корпорации польских печатников XVI в. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как историей книгопечатания, в целом, так и издательскими подписями, в частности. Аппеляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «с конца XV в. европейские книгопечатники стремились к саморепрезентации через текст собственного авторства, помещенный в печатный продукт», «при этом «объём и характер этой информации различен: от выходных данных в колофоне до пары листов рассуждений под заголовком «К читателю». Автор обращает внимание на то, что в отличие от латиноязычных подписей «польскоязычные подписи XVI в. куда более лапидарны в части сообщений о печатнике, и не употребляют переводов вышеприведённой лексики». В работе отмечается, что «формулировки издательских подписей обнаруживают связь наиболее заметных польских печатников 1-й полов. XVI в. с печатной культурой других земель – точнее, с творениями издателей, которых можно отнести к кругу «печатников-гуманистов» (А. Мануций, А. де Брокар, И. Фуст и др.)».

Главным выводом статьи является то, что «использование статусной лексики для саморепрезентации продиктовано субъективным восприятием издателя, поскольку появление в подписи тех или иных эпитетов, во-первых, опционально, а во-вторых, не совпадает хронологически с моментами формального обретения статуса».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по новой и новейшей истории, так и в различных спецкурсах.

К статье есть небольшие замечания: так, было бы уместно проиллюстрировать статью отдельными рисунками польских издательских подписей.

Однако, в целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Genesis: исторические исследования».